

УДК 94(47).084.3

**ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ
ЕПАРХИЙ В 1920-1930 ГГ.****THE RENOVATIONIST SCHISM IN THE TERRITORY OF KURSK
AND BELGOROD DIOCESES DURING 1920-1930****П.Ю. Субботин**
P.Y. SubbotinГосударственный архив Белгородской области,
Россия, 308024, Белгород, ул. Мокроусова, д. 14.State archive of the Belgorod region,
14 Mokrousova St., Belgorod, 308024, Russia

E-mail: subbotin1980@gmail.com

Аннотация

В основу статьи вошел эмпирический материал, характеризующий развитие обновленческого раскола в Русской Церкви на территории южных уездов Курской губернии в 1920–1930-е гг. Впервые вводимые в научный оборот документы раскрывают региональные особенности распространения обновленчества, роль епархиального руководства, приходского духовенства и рядовых верующих как в распространении, так и в противостоянии расколу. В статье приводятся новые материалы о деятельности курского и белгородского епископа Никона (Пурлевского), белгородского протоиерея Алексея Попова и других заметных лиц в церковной истории региона рассматриваемой эпохи.

Abstract

The article includes empirical material describing the development of the renovationist schism in the Russian Church on the territory of the southern districts of Kursk province in the 1920-1930s. The documents, which are introduced into scientific use for the first time, reveal regional peculiarities of renovationism's distribution, the role of the diocesan leadership, parish clergy and ordinary believers as for the distribution and in opposition to the split. The article presents new materials on the activities of the Kursk and Belgorod bishop Nikon (Purlevsky), Belgorod archpriest Alexey Popov and other notable individuals in the Church history of the region during this period.

Ключевые слова: Русская Церковь, обновленческий раскол, обновленчество, Курская епархия, Белгородская епархия, Никон Пурлевский.

Keywords: Russian Church, renovationist schism, renovationism, Kursk diocese, Belgorod diocese, Nikon Purlevsky.

После революции 1917 г. вопрос об отношении к государственной власти на долгие годы стал одним из главных для Русской церкви, вызвав целый ряд принципиальных внутренних разделений. Во многом именно он лег в основу карловацкого, обновленческого, григорианского и иосифлянского расколов. Ситуация часто осложнялась смешением норм политических с нормами канонического права. К концу 1920-х гг. церковно-каноническая позиция верующих стала показателем политической благонадежности, а отношение к государственной власти определяло принадлежность к тому или иному церковному течению.

Советская власть провоцировала расколы для максимального ослабления церкви. Одним из самых успешных стал раскол обновленческий, поставивший во главу угла вопрос о лояльности к атеистическому государству. В рамках статьи рассмотрено развитие обновленческого движения в 1922–1938 гг. в пределах Курской епархии Русской церкви.

Главное внимание обращено на южные уезды Курской губернии, образующие Белгородское викариатство¹, а позднее – самостоятельную Белгородскую епархию.

История обновленчества в Курской епархии рассмотрена в региональной историографии недостаточно. Из публикаций можно отметить статью А.Ю. Бунина, биографический справочник курского епископата А.И. Раздорского и статью о. Владимира Русина о священнике Саплине [Раздорский, 2004; Бунин, 2008; Русин, 2008]. Таким образом, главными источниками при изучении курского и белгородского обновленчества остаются архивные документы.

Начало обновленческого движения тесно связано с кампанией по изъятию церковных ценностей. Уже в ходе изъятия ценностей в Москве, Петрограде и Саратове проявили себя представители духовенства, названные Л.Д. Троцким «сменовеховскими попами». Безоговорочно одобряя все действия советской власти, они осуждали «церковную контрреволюцию» и лично патриарха Тихона. В своем письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 17–22 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий предлагал: «внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия» [Архивы, 1997, С. 134]. Это предложение было принято.

Одновременно с этим шла подготовка процесса над патриархом Тихоном. 26 апреля состоялся его первый допрос, а 29 числа его посетила «инициативная группа» духовенства во главе с протоиереем Введенским в сопровождении двух сотрудников ГПУ. После этой встречи патриарх известил председателя ВЦИК М.И. Калинина, что в связи с привлечением к суду он вынужден до созыва Собора передать управление церковью митрополиту Агафангелу (Преображенскому) или митр. Вениамину (Казанскому), сообщив затем своё решение митр. Агафангелу и сделав выбор в его пользу.

3 мая самопровозглашенная «Инициативная группа прогрессивного духовенства «Живая Церковь» во главе с прот. Введенским известила М.И. Калинина, что «ввиду устранения Патриархом Тихоном себя от власти, создается Высшее Церковное Управление, которое с 2(15) мая приняло на себя ведение церковных дел в России» [Акты, 1994, С. 216]. 5 мая эта группа подала патриарху докладную записку об учреждении ВЦУ и запросила его разрешения на заведование канцелярией до прибытия в Москву митр. Агафангела, что патриархом и было дано. В эти же дни другой лидер обновленцев прот. Красницкий посетил в Ярославле митр. Агафангела, который сообщил, что не может выехать в Москву. Тем временем прот. Введенский предложил в Петрограде митр. Вениамину признать ВЦУ, на что тот ответил отказом и на следующий день был арестован.

Таким образом, в мае 1922 г. в высшем церковном управлении Русской церкви произошел переворот, в результате которого патриарх Тихон и его заместители митр. Агафангел и Вениамин были изолированы от управления церковью, а само управление перешло в руки «прогрессивной группы духовенства» во главе с прот. Введенским, Красницким и приглашенным ими еп. Антонином (Грановским). Тем ни менее, вплоть до конца мая положение ВЦУ было шатким. Но 3 июня появился т. н. «меморандум трех» — декларация митр. Сергия (Страгородского), архиепископа Евдокима (Мещерского) и архиеп. Серафима (Мещерякова), где они признавали каноничность ВЦУ: «целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными» [Акты, 1994, С. 218–219]. В связи с авторитетом митр. Сергия как крупного богослова, это обращение сыграло значительную роль в распространении раскола и признании рядом епархий власти ВЦУ.

Захватившее церковную власть ВЦУ, исповедуя крайнее неприятие монашества и монашествующего епископата, стало избавляться от архиереев старого поставления. Состо-

¹ Белгородское викариатство Курской епархии — церковный округ, учрежден в 1905 г. Включал Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Ново-Оскольский и Суджанский уезды Курской губернии. Суджанский уезд после революции из состава Белгородского викариатства был выведен.

явшийся в августе 1922 г. в Москве съезд «Живой церкви» постановил уволить всех архиереев-монахов, не признающих ВЦУ. 30 октября 1922 г. начальник VI отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков в своем докладе отмечал: «...попы взяв в свои руки верховную церковную власть приступили к... удалению от управления епархиями тихоновских архиереев и замены их лояльными по отношению к Соввласти» [Архивы, 1997, С. 331].

На момент церковного переворота Курская епархия управлялась митр. Назарием (Кирилловым), которому подчинялись два викария — еп. Белгородский Никон (Пурлевский) и еп. Рыльский Павлин (Крошечкин). Митрополит Назарий был одним из старейших архиереев Русской церкви, до революции примыкал к монархическому движению, за что в 1917 г. увольнялся Синодом на покой. Был он уволен и в этот раз, но уже распоряжением ВЦУ. В августе 1922 г. на епархиальном съезде духовенства и мирян правящим архиереем Курской епархии был избран еп. Никон. В состав Курского епархиального управления вошли уполномоченный ВЦУ прот. Иваницкий, а также протоиереи Чеканов, Мусатов и Данилов [Бунин, 2008, С. 64]¹. Власть епископа была ограничена епархиальным управлением, куда входили представители обновленческих групп. Так, большинство резолюций на поступавших в епархиальное управление документах подписывалось не единолично еп. Никоном, а всеми членами управления, чего совершенно не было при митр. Назарии.

Возглавив Курскую епархию, еп. Никон развернул активную деятельность по распространению обновленчества. К концу декабря 1922 г. были составлены анкеты для духовенства, где было нужно указать, кто к какой обновленческой группе примыкает, желает ли созыва Поместного Собора и какие вопросы считает нужным там обсудить. Заполнение анкет было обязательным, за что отвечали благочинные. У последних был затребован отчет о тех, кто заполнять анкеты отказывался. Практически сразу выяснилось, что духовенство в своей массе вообще не знало о сути происходивших в церкви событий, не имело на руках программ обновленческих групп и, соответственно, не могло себя отнести к какой-либо из них. В епархиальное управление стали поступать просьбы благочинных выслать программные материалы обновленчества для изучения. В связи с этим КЕУ 23 января 1923 г. отправило запрос в ВЦУ, попросив выслать уставы групп «Живая Церковь», «Союз Церковного Возрождения», «Союз Общин Древле-Апостольской церкви» и «Трудовая церковь»². Присланные материалы были разосланы по уездам. Получение анкетных данных с мест было завершено в начале марта 1923 г.

Таблица 1

Table 1

Сведения о принадлежности духовенства южных уездов Курской губернии к обновленческим группам на начало марта 1923 г.³
Information on the belonging of the clergy of the southern uyezds of the Kursk province to the renewal groups at the beginning of March 1923.

Уезды \ Группы	К Жив. Церкв.	Древл.-Апост.	Возрожден.	Никакой	Уклонилось	Прогрессивн.	Безпартийн.	К Единой Свят. Апост. ц.	К В.Ц.У.	К Собору	Народникам	Коммунизму и большевикам
Грайворонский	36	15	2	91	22	14	17	1	1	1	-	1
Белгородский	4	8	44	47	8	39	2	1	-	-	-	-
Корочанский	13	1	2	47	3	13	17	1	-	-	-	-
Ново-Оскольский	3	1	4	92	7	18	13	3	-	-	2	-
Старо-Оскольский	13	40	27	27	2	3	6	12	-	-	-	-
Итого	69	65	79	304	42	87	55	18	1	1	2	1

¹ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Лл. 1, 26.

² Там же. Лл. 14.

³ Там же. Лл. 51.

Итоги анкетирования показывают, что спустя полгода после смены правящего архиерея положение обновленчества оставалось неоднозначным и духовенство не спешило примыкать к нему даже под руководством епархии. В то же время уклонившаяся и неопределенная часть духовенства продолжала находиться в подчинении своим благочинным, а те, в свою очередь, в подчинении обновленческому епархиальному управлению. Таким образом, если в партийно-каноническом отношении духовенство пребывало в сомнении, то в организационном оно подчинялось уже обновленческому епископу и епархиальному управлению, а через них – ВЦУ.

Тем временем ВЦУ создало институт епархиальных и уездных «уполномоченных» для контроля лояльности архиереев и координации обновленческих групп. В организационном смысле это явление копировало институт комиссаров в армии, в чью задачу входили контроль лояльности офицерского состава и проведение политики партии в воинских частях. В Курской епархии епархиальным уполномоченным ВЦУ стал член Поместного Собора 1917–1918 гг. прот. Леонид Иваницкий, примкнувший к «Древле-Апостольской церкви»¹. Уполномоченные ВЦУ появились в Белгородском, Корочанском, Новооскольском, Обоянском и других уездах. В их число выдвигались инициативные священнослужители с миссионерским складом ума или карьеристы. В ряде уездов деятельность уполномоченных ВЦУ воспринималась благочинными как посягательство на их властные полномочия, что провоцировало конфликты и вынуждало епархиальное управление давать разъяснения на места.

Позиция белгородского духовенства по отношению к обновленчеству была выработана в ходе двух собраний, прошедших 15 июня и 16 июля 1922 г. На последнем, собравшем делегатов от духовенства и мирян 1 и 2 округов Белгородского уезда, прот. Алексеем Федюшиным было сообщено об изменениях в высшем церковном управлении, а священ. Алексей Попов сделал доклад о необходимости созыва второго Поместного Собора. Собрание постановило: «Считать движение, возбужденное группою «живая церковь» имеющим весьма важное и существенное для церкви значение, выразить принципиальное сочувствие этому движению, как стремящемуся возратить наше православие к его первоисточнику чистейшему евангельскому учению... Для урегулирования движения к обновлению Русской церкви, а так же разрешения других накопившихся недоуменных вопросов необходимо в скорейшем времени собрать на канонических началах Поместный Собор Правосл. Русской церкви, который единственно и правомочен санкционировать и проводить в жизнь намеченные реформы»². Собрание отметило, что «до Собора во избежание раскола не должны быть проводимы никакие реформы»³. Собрание выразило «свое лояльное отношение к Советской власти», уточнив, что государство и церковь «должны быть совершенно свободны и независимы в своей внутренней организации и деятельности»⁴. Таким образом, подчинившись церковному перевороту и декларируя все требуемые ВЦУ заявления, белгородское собрание духовенства и мирян подчеркивало значение как канонического права и принципа соборности, так и следования букве советских законов.

Вплоть до начала 1923 г. белгородское духовенство смутно представляло суть обновленческого движения и ограничивалось резолюциями об активизации пастырской работы, борьбы с неверием, сектантством и т. п. Поскольку роль активиста обновленчества взял на себя епархиальный миссионер Белгородского викариатства священ. Алексей Попов, то и все мероприятия в деле «обновления» церковной жизни стали носить миссионерский оттенок. К тому же осенью 1922 г. деятельность ВЦУ была значительно ограничена из-за начавшегося дробления на группы и партии, ослабив влияние на местах. В условиях провинции это означало отсутствие каких-либо заметных изменений вообще. Только в конце января 1923 г. Попов отправил в епархиальное управление запрос: «Имея ввиду организовать Уездную группу «Церковного возрождения» прошу выслать мне программу и устав

¹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Л. 24.

² Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 140. Л. 3.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3–5.

этой группы, а также – дать соответствующие указания об установлении связи с Епархиальным Комитетом этой группы, – если таковой имеется»¹. Впрочем, на тот момент само КЕУ не располагало нужными документами и в просьбе было вынуждено отказать. По получении требуемых бумаг почти половина из отпавшего в раскол белгородского духовенства отнесла себя к группе «Возрождения», вторая же часть обозначила себя просто как «прогрессивное». Всего на начало марта 1923 г. к обновленцам себя относил две трети духовенства Белгородского уезда.

Алексей Попов задолго до церковного переворота 1922 г. исполнял обязанности противосектантского миссионера в Белгородском викариатстве Курской епархии. Он выступал перед собраниями духовенства и мирян и участвовал в диспутах с лекторами атеизма. Вероятно, фразеология ВЦУ о возрождении евангельских традиций была воспринята им через призму его деятельности, обусловив и выбор соответствующей обновленческой партии — умеренной группы еп. Антонина Грановского «Союз церковного возрождения». Обновленческая деятельность о. Алексея заключалась в созыве и посещении собраний духовенства, которые после его докладов принимали соответствующие одобрительные резолюции. За январь-февраль 1923 г. Попов посетил общеуездные и благочиннические собрания духовенства в Белгороде, сл. Толоконной, с. Вислом, с. Головине, где ознакомил присутствовавших с общим состоянием дел «церковного обновления» и «Тезисами предстоящей реформы Православной церкви на Поместном Соборе». 16 января 1923 г. собрание духовенства и мирян Белгородского уезда постановило присоединиться «Союзу церковного возрождения» и «приступить на местах к организации кружков ревнителей веры и благочестия»².

В Грайворонском уезде задача распространения обновленчества легла на плечи шести благочинных, которые использовали для этой цели окружные собрания. На проводимые мероприятия духовенство ответило пассивным согласием, встретив недоумением необходимость причисления себя к какой-либо обновленческой группе при полном отсутствии литературы по этому вопросу — ни программы обновленческих партий, ни печатные органы ВЦУ до Грайворонского уезда, за редким исключением, не доходили. В этих условиях пришлось пользоваться литературой, разными путями попавшей в соседние округа. Только в марте 1923 г. КЕУ постановило выслать в Грайворонский уезд соответствующие бумаги. Не имея четкого представления о сути происходящих в церкви событий, получая самые обобщенные сведения, грайворонское духовенство принимало столь же обобщенные резолюции: «признавая нравственную правду социальной Российской революции, приветствовать обновленческое церковное движение, совершающееся, применительно к условиям современного социального быта, на незыблемых основах великой Евангельской истины»³. В то же время благочинный 6-го округа Грайворонского уезда свящ. Леонид Духовский «со скорбью» констатировал: «некоторые даже о.о. иереи понимают Обновление Церкви — главным образом — в снятии волос и духовным лицам приличествующей одежды, кроме сего в отсутствии дисциплины»⁴. На конец февраля 1923 г. свою принадлежность к обновленческому движению указало немногим меньше половины грайворонского духовенства, лидирующее положение среди которых занимали сторонники группы «Живая Церковь». Больше половины духовенства от ответа уклонилось.

Активную деятельность по распространению обновленчества развернул уполномоченный ВЦУ по Новооскольскому уезду священник церкви сл. Холки Иоанн Кушнев. Подобно о. Попову из Белгорода, о. Иоанн был в прошлом епархиальным миссионером-проповедником. Главными формами деятельности Кушнева стали чтение докладов на окружных и приходских собраниях с последующим их обсуждением и принятием нужной резолюции, а также организация обновленческих кружков в тех приходах, где подобные беседы были проведены. Кушнев лично обходил церкви уезда и вел активную переписку,

¹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Л. 24.

² ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 90. Л. 112.

³ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 33.

что вызвало массовый рост обновленческих ячеек в уезде. За период с 22 по 29 марта 1923 г. о. Иоанн организовал кружки СОДАЦ в г. Новом Осколе, сл. Песчаной, сл. Киселевке и сл. Николаевке, тем самым общее число ячеек СОДАЦ в Новооскольском уезде выросло до семи. Тогда же были организованы кружки «Ревнителеев церковного обновления» в с. Беломестном, сл. Голубиной, с. Ольховатке, сл. Погромец и сл. Шарাপовке, после чего общее число ячеек «ревнителеев» по уезду достигло десяти. К 13 апреля 1923 г. к перечисленным добавились кружки СОДАЦ в слободах Немцева, Боровковая, Серебрянка и в с. Богородское, а отделения «ревнителеев церковного обновления» были учреждены в сл. Слоновка и Боровковая¹.

На начало марта 1923 г. до половины духовенства Новооскольского уезда так или иначе связывало себя с обновленчеством. При этом сам Кушнев отмечал формальный характер такой принадлежности. Перейдя в раскол, священнослужители по инерции уделяли основное внимание богослужению и исполнению треб, не выходя за рамки своих обязанностей. Преобладающая часть духовенства не только занимала выжидательную позицию, но и препятствовала обновленчеству, саботируя инициативы КЕУ и игнорируя Кушнева. Так, 29 марта 1923 г., на собрании духовенства 4-го благочиннического округа Новооскольского уезда в сл. Чернянке, при попытке Кушнева сделать доклад раздался крик собравшихся делегатов: «Не нужно нам этой чепухи. У нас есть своя церковь и мы ее не уступим»², после чего Кушнева обвинили в продажности коммунистам и потребовали удалить его из собрания. Кушнев уходить отказался и стал записывать на бумагу имена оппонентов, в связи с чем возмущенные делегаты начали покидать мероприятие. Только призыв благочинного о. Дикарева вернул расходившихся и восстановил порядок. Это был не единственный случай – по свидетельству свящ. Селиванова «Кушнев своими неумелыми, нетактичными действиями на всех собраниях сам возбуждает против себя слушателей»³.

Чтобы добиться присутствия хотя бы одного обновленца в окружных и уездном советах духовенства, Кушнев провел резолюцию, по которой делегаты от обновленцев избирались по отдельному списку. При этом он сам признавал, что «без сей меры могут нигде не пройти делегаты обновленцы, так как при голосовании они представят меньшинство»⁴. Несмотря на внешне активную деятельность, о. Иоанн так и не сумел закрепить свои достижения и по итогам весны 1923 г. обновленцы в Новооскольском уезде массовой поддержки не получили.

В Корочанском уезде главным активистом обновленчества стал священник г. Корочи Александр Нечаев. Возглавляемая им группа «Возрождения Церкви» в связи с отсутствием программных документов 21 февраля 1923 г. была реорганизована в группу «Живая Церковь». Тогда же было решено организовать Корочанское уездное церковное управление, просить КЕУ вверить всё делопроизводство благочиннических округов уезда Нечаеву, согласовывать с ним назначение и перемещение клириков уезда, назначить уполномоченным ВЦУ по уезду священника сл. Малой Яблоновой о. Иоанна Коневецкого и одобрить отчисление 10% от сумм епархиального сбора по уезду в пользу организованного уездного управления⁵. Практически все эти решения нарушали существующий порядок епархиального управления, о чем КЕУ известило Нечаева, пригласив, тем ни менее, о. Иоанна Коневецкого в Курск для получения инструкций. Проигнорировав ответ КЕУ, о. Александр продолжил расширять ряды группы «Живая Церковь», фактически присвоив себе все те полномочия, без всякой на то санкции епархиального управления.

На почве распределения властных полномочий Нечаев спровоцировал конфликт с благочинными, которых его притязания на общеуездное руководство привели в недоумение. Благочинный 1-го округа о. Михаил Чифранов докладывал в КЕУ, что Нечаев «ведет

¹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Лл. 75–76, 80.

² Там же. 75–76.

³ Там же. Лл. 83–86.

⁴ Там же. Лл. 80–82.

⁵ Там же. Л. 62.

переписку и делает обязательными предписания благочинным уезда, собирает уездные съезды, производит раскладки налогов..., дает одобрения лицам, ищущим духовного сана и, словом, присволяет себе функции центрального церковного управления в уезде»¹. КЕУ поддержало благочинных, указав Нечаеву на превышение полномочий, но это лишь распалило о. Александра в его конфликте с КЕУ и благочинными. Чтобы обезопасить себя от епархиального управления, Нечаев написал жалобу на КЕУ в ВЦУ, тем самым вынеся конфликт за пределы Курской епархии.

Деятельность Нечаева значительно упрочила позиции «Живой Церкви» в Корочанском уезде, при этом отчасти выведя уезд из подчинения Курскому епархиальному управлению. В переписке между Курском и Корочей появились слова «узурпация», «диктат», «автокефалия» и т. п. Кульминацией корочанских событий стало постановление корочанского съезда обновленческого духовенства и мирян от 4 июня 1923 г.: «Единогласно просить теперь-же В.Ц. Совет об открытии викариатства в г. Короча и о назначении Викарнаго Епископа», кандидатом в которые был выбран священник с. Призначное Виктор Руднев². Для КЕУ стало очевидным, что Нечаев взял курс на выделение уезда в самостоятельную обновленческую епархию³, сосредоточив власть в своих руках и выдвигая на официальные посты своих ставленников. Единственным выходом было сыграть на опережение, что и было сделано созывом 1–2 августа в Белгороде съезда Белгородского викариатства с вопросом о выделении самостоятельной обновленческой Белгородской епархии во главе с еп. Никоном.

Таким образом, за год с момента церковного переворота развитие обновленчества в Белгородском викариатстве прошло два основных этапа. На первом, летом-осенью 1922 г., духовенство воспринимало изменения в церковной жизни равнодушно, что подкреплялось отсутствием программных документов нового движения и его лидеров на региональном уровне. На втором этапе, охватившем зиму-весну 1923 г., детали изменений в церковном строе проступили во всей полноте, программы обновленческих групп были получены, а местные активисты развернули свою деятельность. В это время проявилось и стало нарастать сопротивление обновленчеству консервативного духовенства, вызванное как каноническими соображениями, так и конфликтами между благочинными и активистами ВЦУ. Окончательную точку в этих противоречиях был призван поставить созываемый обновленцами т. н. II Поместный Собор.

Созыв обновленческого собора формально следовал постановлениям Поместного Собора 1917–1918 гг., опуская то обстоятельство, что распоряжение о созыве должен был отдавать лично патриарх. Подготовка к собору позволяла ВЦУ создать видимость нахождения в рамках канонического права. В Белгородском уезде соответствующие мероприятия прошли в два этапа. На первом, в январе-феврале 1923 г., духовенство и миряне ознакомились с тезисами реформ, на втором, в марте, провели выборы делегатов. Вначале на приходских собраниях 18–20 марта было выбрано по 2 делегата на окружные собрания. На этих собраниях 25–29 марта было выбрано по 2 делегата на епархиальный съезд, который обсудил 12 апреля тезисы церковных реформ и делегировал на обновленческий собор 3-х представителей во главе с еп. Никоном.

Открывшийся 29 апреля 1923 г. в Москве обновленческий собор переименовал ВЦУ в Высший Церковный Совет (ВЦС), уравнивал женатый и безбрачный епископат, ввел григорианский календарь и второбрачие клириков, постановил закрыть монастыри и снять сан с патриарха Тихона. Примечательно, что еп. Никон отказался поставить свою подпись под последним решением, что можно считать началом его отхода от обновленческого движения при формальном нахождении в его рядах. Неизвестно, как это отразилось на положении еп. Никона в стане обновленцев, но в июне 1923 г. на курской кафедре его сменил обновленческий архиепископ Иннокентий (Пустынский).

¹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Л. 88.

² Там же. Л. 91.

³ По правилам ВЦУ, чтобы образовать новую епархию, церковная территория должна была на общем собрании духовенства образовать викариатство и выбрать епископа, что и было реализовано Нечаевым.

Решения обновленческого собора 1923 г. вывели противостояние между обновленцами и их противниками в Курской епархии на новый уровень. До собора 1923 г. резолюции собраний местного духовенства не затрагивали канонических, догматических и литургических основ Церкви, а потому не вызывали неприятия у рядовых верующих. Но первые же попытки реализовать решения обновленческого собора, а также освобождение 28 июня из-под ареста патриарха Тихона и его последующее обращение к народу с осуждением обновленцев всколыхнули верующие массы.

Еще до освобождения патриарха уполномоченный ВЦС по Новооскольскому уезду Кушнев докладывал: «в последнее время замечается усиление антиобновленческого движения... в связи с принятием нового календаря дело приняло очень плохой оборот. Граждане, кроме слободы Холка объявили, что они новаго календаря не признают и праздников по его числам не будут праздновать...»¹. Уже через месяц после освобождения патриарха Тихона Кушнев писал: «всюду заметна привязанность к старому стилю, недоверие к Собору и являющиеся симпатии к Беллавину, бывшему Патриарху. Местные газеты печатают все его обращения к населению и население читает их с увлечением. Отзывы же В.Ц.С. и обновленческих организаций роковым образом замалчиваются»². Настроение верующих не осталось незамеченным для духовенства, в связи с чем прежние противники обновленчества приободрились, а сомневающиеся заняли выжидательную позицию. Благочинный 1-го Новооскольского округа о. Феодор Солодовников на призыв Кушнева к борьбе с «тихоновщиной» ответил: «Мы сейчас все воздержимся от этого. Потому что неизвестно, что будет дальше. Патриарх наверное победит. Народ с ним. Мне рассказывали приезжие из Москвы, что народ Москвы с ним и его победа несомненна. Тело Церкви стоит с ним»³.

1–2 августа 1923 г. в Белгороде состоялся чрезвычайный съезд представителей духовенства и мирян Белгородского, Грайворонского, Корочанского и Новооскольского уездов, учредивший Белгородскую (обновленческую) епархию. Епархиальную власть на съезде представлял курский обновленческий архиеп. Иннокентий и уполномоченный ВЦС прот. Иваницкий. При выборе епископа новой епархии единственной кандидатурой был еп. Никон, который в это время находился в Курске. При этом, еще до съезда выяснилось, что он согласен занять белгородскую кафедру лишь при условии признания делегатами «постановлений Соборов вселенских и Русской Православной Церкви до 1918 года включительно»⁴. Для участников съезда не осталось незамеченным, что еп. Никон не упомянул ни обновленческий собор 1923 г., ни своего отношения к обновленчеству. Это обстоятельство отметил Иваницкий, потребовав допустить еп. Никона на белгородскую кафедру «лишь под условием взятия от него подписки о принадлежности к обновленческой группе и признания собора 23 года» [Трудовой день, 1923]. Присутствовавшие делегаты расценили эти требования как насилие, разгорелся бурный конфликт. Потеряв контроль над ходом собрания, помощник обновленческого архиерея Краснопольский объявил его закрытым и ретировался. Последовавшего его примеру архиеп. Иннокентия схватили и заставили ждать возвращения Краснопольского, отпустив лишь после объявления о переносе съезда на следующий день. 2 августа собрание продолжилось, но в этот раз делегаты съезда пошли на условия обновленцев и еп. Никон 42-мя голосами против 3-х был избран первым епископом новой самостоятельной обновленческой епархии с титулованием «Белгородский и Грайворонский». В епархиальный совет были избраны священник кладбищенской церкви о. Феодор Шумов, келейник еп. Никона иеромонах Пантелеймон (Варваров), от мирян – Яков Свешников и Антонин Козловский [Трудовой день, 1923].

Утвержденный обновленческим Синодом 7 сентября в должности епископа Белгородского Никон (Пурлевский) и члены Белгородского епархиального совета на протяжении лета, осени и зимы 1923–1924 гг. формально находились в рамках обновленческого раскола. Имен-

¹ ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 369. Л. 94.

² Там же. Лл. 100–101.

³ Там же. Лл. 100–101.

⁴ Там же. Л. 2.

но в этот период священники Феодор Шумов и Алексей Попов участвовали в закрытии белгородского женского Рождество-Богородицкого монастыря, выполняя постановление обновленческого собора [Кобец, 2006, С. 222–223]. В то же время намечается отход от обновленчества как духовенства и мирян Белгородской епархии, так и самого еп. Никона. Происходило это на фоне общего кризиса обновленческого движения в стране – осенью 1923 г. был расформирован СОДАЦ, резко снизилось влияние группы «Живая Церковь», а еп. Антонин со своей группой «Возрождение Церкви» вышел из обновленческого Синода. Обновленцы теряли целые епархии, попутно конфликтуя между собой. В этих условиях отход белгородского духовенства и мирян от обновленчества стал лишь частью общей тенденции и завершился покаянием еп. Никона в марте 1924 г. перед патриархом Тихоном и митрополитом Петром (Полянским). Этот шаг еп. Никона был полностью поддержан его паствой.

9 мая 1924 г. на собрании духовенства и мирян 1 и 2 округов Белгородского уезда прот. Шумов сделал доклад об истории обновленческого движения, разобрал все расхождения обновленцев со св. Писанием, св. Преданием, канонами и призвал собрание к «признанию Св. Патриарха Тихона, как единственного главы Русской Церкви»¹. Присутствовавшие миряне отметили, что «не отступали от Патр. Тихона, а посему не может быть и речи о переходе к нему»². Таким образом, белгородское собрание полностью одобрило и поддержало возвращение еп. Никона в подчинение патриарху Тихону. К концу весны 1924 г. единственным обновленцем в Белгороде оставался священник Петропавловской церкви Михаил Ковалевский.

Реакция на возвращение еп. Никона в патриаршую церковь не заставила себя долго ждать – 7 июля 1924 г. он был арестован, 22 июля его канцелярию принял новый уполномоченный обновленческого Синода по Белгородской епархии свящ. Ковалевский, а 24 июля в Белгород прибыл обновленческий епископ Николай Рубцов.

К моменту прибытия Рубцова баланс между церковными течениями в Белгородском уезде значительно изменился. За весну 1924 г. белгородское духовенство было проинструктировано о канонических преступлениях обновленчества, активная часть верующих была решительно настроена в поддержку патриарха, что только подогревалось недовольством от введения в богослужение григорианского календаря. Запрет патриархом Тихоном в своем послании от 15 апреля 1924 г. обновленчества и арест популярного у белгородцев еп. Никона поставили точку в полной дискредитации обновленчества в Белгороде. При этом Ковалевский усугубил ситуацию, организовав передачу облачений арестованного еп. Никона прибывшему Рубцову, что верующие расценили как двойное воровство – епископской кафедры при живом архиерее и облачений епископа без его разрешения. Рубцов не был признан ни духовенством, ни паствой. Попытки давления на настоятелей через милицию не принесли успеха – священники зависели от настроений своих прихожан, которые были крайне возмущены. Позднее, при анализе борьбы церковных течений в Белгороде, уездная милиция отмечала: «В общинах, где были обновленческие священники, началось на них гонение со стороны членов общины и наиболее активной их части – женщин. В результате этой кампании перевес оказался на стороне тихоновцев, так как большинство духовенства, обновленческого направления, будучи вынужденными [отказаться от] обновленчества осталось на своих местах, благодаря отречению от обновленчества, а упорствовавших общины сменили»³.

Обновленческий еп. Николай Рубцов получил серию писем с угрозами и просьбами покинуть Белгород, но сдаваться не собирался. Не встретив поддержки среди белгородского духовенства, он установил тесную связь с белгородской милицией, которой пересылал получаемые письма, жаловался на противодействие тихоновских священников и признавал: «При таком положении дела, я не в состоянии проводить в жизнь распоряжения касающихся церковной жизни Советской власти... Мне кажется единственный выход из создавшегося

¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 145. Лл. 68–69.

² Там же. Лл. 68–69.

³ Там же. Лл. 420–421.

положения замена упорствующих новыми лицами... Жду на сей предмет указания и распоряжения»¹. Однако, найти желающих примкнуть к обновленчеству в сложившейся обстановке было трудно, а рукоположение нескольких человек в обновленческие диаконы и священники и повышение свящ. Ковалевского до протоиерея не сыграло никакой роли. В итоге Рубцов, «будучи травим реакционным духовенством, не признанный ни одной общиной, был вынужден покинуть Белгородскую Епархию через 2 месяца после приезда»². Михаил Ковалевский еще попытался созвать в конце декабря 1924 г. епархиальный съезд для выборов епископа и организации епархиального управления, но к этому моменту Синод упразднил обновленческую Белгородскую епархию, после чего и Ковалевский, тоже «будучи травим Тихоновским духовенством», оставил Белгород и уехал в Киев.

Таким образом, несмотря на арест еп. Никона и поддержку обновленческих активистов органами советской власти, обновленчество в Белгородской епархии к середине 1924 г. потерпело поражение. Обращает на себя внимание разительная перемена в умонастроениях белгородских священнослужителей, которые на протяжении 1922–1923 гг. декларировали свою приверженность к «прогрессивному духовенству» и подчеркивали верность делу «обновления церковной жизни», как и советской власти в целом. Руководство белгородской уездной милиции впоследствии отмечало: «в этой борьбе двух церковных течений одного и того-же вероисповедания, решающую роль сыграли конечно массы верующих, большинство, как активная часть, которых составляют женщины, так как от них зависит право решить кому оставаться служителем культа»³.

Вернувшийся в начале 1925 г. из Киева Ковалевский пытался найти себе приход, но безуспешно. В августе того же года в Белгород прибыл обновленческий еп. Адриан Компаниец, который нашел поддержку в Николаевской церкви с. Болховца и даже сформировал новый епархиальный совет из клира этой церкви, но, не признанный никем в Белгороде, уехал через месяц. На протяжении 1930-х гг. в Белгород последовательно посылались обновленческие архиереи Алексей Щербаков, Иоанн Симонов, Дмитрий Крылов и Викентий Никипорчук, но все они не находили себе никакой поддержки и покидали город в считанные недели и месяцы. Остававшиеся в обновленчестве единичные приходы какой-либо заметной роли не играли. Последним известным обновленческим священником в Белгороде стал протопресвитер кладбищенской церкви Владимир Хохановский, назначенный 24 августа 1938 г. уполномоченным по управлению обновленческими церквями Курской митрополии⁴.

Обзор обновленческого раскола на территории Курской губернии позволяет сделать следующие выводы. Ответственность за отпадение епархии в обновленчество лежит, в первую очередь, на епархиальном руководстве в лице епископа Никона (Пурлевского), а также членах Курского епархиального управления — протоиереях Иваницком, Мусатове, Чеканове и Данилове. Отстранив канонического митр. Назария и принимая решения на епархиальном уровне, эти лица в полной мере способствовали распространению обновленчества в 1922–1923 гг. В уездах в проводниках раскола оказались самые инициативные представители духовенства — благочинные по своему служебному положению, и бывшие епархиальные миссионеры, увидевшие в обновленчестве перспективы оптимизации церковной жизни. В итоге оказалось, что на сторону обновленчества на первых порах стало как епархиальное руководство, так и самые активные священнослужители на местах.

Поскольку переход в раскол произошел на уровне руководства, приходское духовенство выражало свое несогласие не через открытые протесты, а путем саботажа поступаемых распоряжений. В этом смысле характерной чертой Курской епархии в 1922–1924 гг. было сосуществование обновленческого и тихоновского духовенства в рамках одной церковной организации.

¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 279. Л. 427.

² Там же. Лл. 420–421.

³ Там же. Лл. 420–421.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 3. Л. 75.

Поворотным моментом в судьбе раскола стал обновленческий собор 1923 г. и последовавшее освобождение патриарха Тихона. Постановления собора в отношении календаря и других церковных вопросов привлекли внимание широких слоев верующих к происходящим событиям, а последующие послания патриарха дискредитировали сам раскол. Духовенство оказалось перед выбором между указаниями епархиальной власти и волей прихожан. Отсутствие единства в обновленческой среде и конфликты между благочинными и уполномоченными ВЦС только обостряли ситуацию. В связи с этим вторая половина 1923 г. характеризуется массовым отходом духовенства от обновленчества.

Ведущая роль в сворачивании раскола на территории южных уездов губернии принадлежит тому же еп. Никону (Пурлевскому). Принесение им в марте 1924 г. покаяния перед патриархом Тихоном и последующее обоснование этого шага в специальном циркуляре для Белгородской епархии сделало дальнейшее существование обновленчества на её территории проблематичным. Попытки обновленческого Синода при помощи местных органов советской власти повернуть ситуацию вспять провалились.

Список литературы Referencis

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. Сост. М.Е. Губонин. М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 1994.

Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917–1943 gg. / Sost. M.E. Gubonin. M., Izd-vo Pravoslavnoy Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo Instituta. 1994.

2. Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., Новосибирск, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997.

Arkhiyvy Kremlya. V 2-kh kn. Kn. 1. Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg. M., Novosibirsk, «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), «Sibirskiy khronograf», 1997.

3. Бунин А.Ю. 2008. Обновленческий раскол и Курская епархия (1920-е гг.). В кн.: Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26–28 марта 2008 г., ч. 2). Курск, Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 63–66.

Bunin A.Yu. 2008. Obnovlencheskiy raskol i Kurskaya eparkhiya (1920-e gg.). V kn.: Pyatye Damianovskie chteniya (materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Kursk, 26–28 marta 2008 g., ch. 2). Kursk, Izd-vo Kursk. gos. s.-kh. ak., 63–66.

4. Священник Владимир Русин. 2008. Кораблекрушение в вере (Захария Саплин). URL: <http://www.kavicom.ru/pages-view-365.html>.

Svyashchennik Vladimir Rusin. 2008. Korablekrushenie v vere (Zakhariya Saplin). URL: <http://www.kavicom.ru/pages-view-365.html>.

5. Протоиерей Олег Кобец, Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. 2006. История Белгородской епархии. Белгород, Изд-во Белгородской епархии, 400.

Protoierey Oleg Kobets, Krupenkov A.N., Krupenkov N.F. 2006. Istoriya Belgorodskoy eparkhii. Belgorod, Izd-vo Belgorodskoy eparkhii, 400.

6. Раздорский А.И. 2004. Архиепиеи Курского края XVII–XX вв.: Крат. биограф. справ. Курск, Регион-Пресс, 127.

Razdorskiy A.I. 2004. Arkhierei Kurskogo kraya XVII–XX vv.: Krat. biogr. sprav. Kursk, Region-Press, 127.

7. Среди церковников. Церковный съезд Белгородского округа или концерт черного воронья. Трудовой День. 87 (114): среда 8 августа. 1923.

Sredi tserkovnikov. Tserkovnyy s'ezd Belgorodskogo okruga ili kontsert chernogo voron'ya. Trudovoy Den'. 87 (114): sreda 8 avgusta. 1923.